

ПАРТИЯ РЕФАХ (ПАРТИЯ БЛАГОДЕНСТВИЯ) (REFAH PARTISI (THE WELFARE PARTY)) и ДРУГИЕ против ТУРЦИИ¹

Судебное решение от 31 июля 2001 г.

(Application no. 41340/98, 41342/98, 41343/98, and 41344/98)

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

A. Основные факты

Политическая партия была распущена на основании того, что она стала «центром деятельности против принципа секуляризма».

B. Решение Суда

Европейский суд по правам человека постановил, что программа политической партии в поддержку внесенных изменений в законодательные или конституционные структуры должна соответствовать двум условиям: 1) использованные средства должны быть законными и демократичными; 2) предложенные изменения должны соответствовать фундаментальным демократическим принципам. Суд признал, что роспуск партии действительно соответствовал социальной потребности в защите демократических основ общества, так как, давая принципу секуляризма новое значение, лидеры партии заявили о решении установить плюрализм законодательных систем, основанный на разных религиозных верованиях, и ввести институт мусульманского права, систему права, явно противоречащую ценностям, закреплённым в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция). Имелись также сомнения относительно позиции партии по поводу применения силы для достижения своих целей.

Несмотря на то, что плюрализм идей и партий является неотъемлемым элементом демократии, государство может предотвращать реализацию подобной политической программы, пока она не приведена в исполнение посредством специальных актов, которые могут поставить под угрозу демократический режим и общественный порядок в стране.

Исход дела: Нарушение ст.11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не имело места.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

(...)

О предполагаемом нарушении статьи 11 Конвенции

34. Истцы заявили, что роспуск Партии Благоденствия (*Refah*) и запрет лидерам, включая г-на Эрбакана (Necmettin Erbakan), г-на Казана (*Şevket Kazan*) и г-на Текдала

¹ *Источник:* Резюме составлено Объединенной общественной законодательной инициативой. Неофициальный перевод Фонда развития правовых технологий, 2008 г.

(Ahmet Tekdal), занимать подобные должности в любых других политических партиях, нарушили их право на свободу ассоциаций, гарантированную ст.11 Конвенции.

А. Было ли нарушение?

35. Стороны согласились, что роспуск *Refah* последовавшие за этим меры могут рассматриваться в качестве вмешательства в право истцов на свободу ассоциаций. Суд придерживается такой же позиции.

В. Было ли нарушение оправданным?

36. Такое вмешательство должно рассматриваться как нарушение ст.11, если только не имела место ситуация, когда вмешательство было «предусмотрено законом», преследовало одну или несколько целей согласно параграфу 2 ст.11 и было «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

1. «Предусмотрено законом»

37. Истцы утверждали, что критерии, применяемые Конституционным судом для принятия решения о том, что *Refah* стала центром неконституционной деятельности, были шире, чем установленные Законом о деятельности политических партий, соответствующие положения которого были отменены в день роспуска *Refah*. Кроме указанных положений местного закона, истцы не оспаривали законность процедуры роспуска партии по турецкому закону, так как возможность роспуска предусмотрена Конституцией.

38. Правительство утверждало, что роспуск *Refah* является мерой, предусмотренной Конституцией.

39. Суд заметил, что правительство и истцы (в своих письменных заявлениях от 17 ноября 1999 г. и устных заявлениях от 16 января 2001 г.) согласились с тем, что вмешательство было «предусмотрено законом». Эта мера введена Конституционным судом на основании ст.ст.68, 69 и 84 Конституции, а также разделов 101 и 107 Закона о деятельности политических партий. Суд не считает нужным не соглашаться с мнением сторон по этому поводу.

2. Правомерная цель

40. Правительство заявило, что вмешательство преследовало несколько законных целей, а именно, защита общественного порядка, национальной безопасности, прав и свобод других людей, а также предотвращение совершения преступлений.

41. Истцы признали, что принцип защиты общественной безопасности, прав и свобод людей и предотвращения совершения преступлений могут зависеть от охраны принципа секуляризма. Они заметили, что в рассматриваемом деле Конституционный суд основывал свое решение на заявлениях политиков, которые были избраны законным путем через демократические выборы, и чьи взгляды были высказаны главным образом тогда, когда у них имелась парламентская привилегия.

42. Принимая во внимание важность принципа секуляризма для демократической системы в Турции, Суд полагает, что роспуск *Refah* преследовал несколько законных

целей, перечисленных в ст.11 Конвенции, таких как защита национальной безопасности и общественного порядка, предотвращение беспорядков и преступлений, а также защита прав и свобод других людей.

3. «Необходимо в демократическом обществе»

(a) Общие принципы

43. Конвенция о защите прав человека и основных свобод должна пониматься и толковаться как одно целое. Права человека формируют единую систему для защиты достоинства человека. В связи с этим, демократия и верховенство права играют первостепенную роль. Демократия предполагает непосредственное участие народа. Только институтам, созданным народом и для народа, может быть предоставлена власть государства. Закон должен толковаться и применяться независимой судебной властью. Демократия не может существовать там, где народ в государстве отказывается от своих законодательных и судебных прав в пользу структуры или организации, не отвечающей перед народом, которым она управляет, вне зависимости от того, принадлежит ли она к светской или религиозной системе.

Принцип верховенства права означает, что все люди равны перед законом в своих правах и обязанностях. Однако законодатель должен принимать во внимание различия между людьми при условии, что такие различия имеют разумные и объективные причины, что они преследуют законные цели и являются соразмерными и соответствующими принципам, на которых зиждется демократическое общество. Нельзя сказать, что верховенство права лежит в основе светского общества, когда группы людей дискриминируются лишь на основании различия пола, политических или религиозных убеждений. Верховенства права нет там, где для таких групп создается абсолютно иная законодательная система.

Существует очень тесная связь между верховенством права и демократией. Так как функцией права является гармонизация и регулирование отношений между существенно различающимися людьми, верховенство права не может долгое время поддерживаться, если люди, подчиняющиеся одним и тем же законам, не имеют права последнего слова относительно содержания и применения законов.

44. Далее Суд замечает, что, несмотря на автономную роль и особую сферу применения ст.11, она должна рассматриваться в свете ст.10 Конвенции. Защита права иметь и высказывать свои убеждения является одной из целей свободы собраний и свободы ассоциаций, закрепленных в ст.11. Это тем более применимо в отношении политических партий ввиду их существенной роли в обеспечении плюрализма и должного функционирования демократии.

Демократия не может существовать без плюрализма. Именно по этой причине свобода выражения мнения, закрепленная в ст.10, является применимой не только в отношении «информации» и «идей», которые воспринимаются положительно и рассматриваются в качестве неоскорбительных или нейтральных, но также в отношении тех, которые оскорбляют, шокируют или тревожат (см. решение по делу *Handyside v. United Kingdom* от 7 декабря 1976 г., Серия А № 24, стр. 23, § 49; а также решение по делу *Jersild v. Denmark* от 23 сентября 1994 г., Серия А № 298, стр. 26, § 37). Тот факт, что деятельность партий составляет часть совместной реализации права на свободу выражения мнений, наделяет политические партии правом на защиту в соответствии со ст.ст.10 и 11 Конвенции (см. решение по делу *United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey* от 30 января 1998 г., Доклады по решениям и постановлениям 1998-I, стр. 17, §§ 42 и 43).

45. Что касается связи между демократией и Конвенцией, Суд сделал следующее наблюдение (см. решение по делу *United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey* указанное выше, пункты 21-22, § 45): «Без сомнения, демократия является фундаментальной чертой «европейского публичного порядка». Это исходит, в первую очередь, из преамбулы к Конвенции, которая устанавливает весьма четкую связь между Конвенцией и демократией, заявляя, что поддержание и дальнейшая реализация прав человека и основных свобод наилучшим образом гарантированы эффективной политической демократией, с одной стороны, и общим пониманием и соблюдением прав человека - с другой... Преамбула утверждает, что европейские страны обладают общим наследием политических традиций, идеалов, свобод и принципа верховенства права. Суд усмотрел, что в подобном общем наследии отражаются основополагающие ценности Конвенции. Суд обратил внимание, что Конвенция разрабатывалась с целью защиты и содействия идеалам и ценностям демократического общества...

В дополнение к этому, ст.ст.8, 9, 10 и 11 Конвенции предусматривают, что вмешательство в осуществление прав, закрепленных статьями, должно оцениваться с учетом того, что является «необходимым в демократическом обществе». Единственным видом необходимости, способным оправдать вмешательство в осуществление этих прав, является тот, который сам проистекает из «демократического общества». Таким образом, демократия является единственной политической моделью, поддерживаемой Конвенцией и, следовательно, единственной совместимой с ней.»

46. Суд также определил границы, согласно которым политические группы могут осуществлять свою деятельность, пользуясь защитой положений Конвенции (см. решение по делу *United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*, п. 27, § 57): «... одним из принципиальных признаков демократии является возможность, предоставляемая государству, разрешать проблемы посредством диалога, не прибегая к насилию. Демократия основывается на свободе выражения мнений. Исходя из этой точки зрения, не может быть никакого оправдания препятствования деятельности политической группы только ввиду ее желания публично обсуждать роль населения в государстве и принимать участие в политической жизни нации для того, чтобы в соответствии с демократическими правилами найти решение, приемлемое для всех заинтересованных лиц».

47. Суд придерживается мнения, что политическая партия может проводить кампании по изменению законов, правовых и конституционных основ государства при наличии двух условий: (1) использованные средства во всех отношениях должны быть законными и демократичными; (2) предложенные изменения должны соответствовать фундаментальным демократическим принципам. Далее Суд заявляет, что политическая партия, чьи лидеры подстрекают обращение к насилию или предлагают политику, которая не соответствует одному или нескольким правилам демократии или направлена на уничтожение демократии и нарушение демократических прав и свобод, не может ссылаться на Конвенцию в качестве защиты против мер, принятых на основании перечисленных причин (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Socialist Party and Others v. Turkey* от 25 мая 1998 г., Доклады 1998-III, стр.1256-57, §§ 46 и 47, и решение по делу *Lawless v. Ireland* от 1 июля 1961 г., Серия А № 3, стр.45-46, § 7).

48. Также нельзя исключать ситуацию, когда программа политической партии или заявления ее лидеров могут скрывать цели и намерения, отличные от провозглашенных. Чтобы удостовериться, что это не соответствует действительности, содержание программы и заявления партии должны сравниваться с реальными действиями партии и ее лидеров, а также с позициями, которых они придерживаются в целом (см. решения

по делам *United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*, п. 27, § 58, и *Socialist Party and Others v. Turkey*, стр.1257-58, § 48)

49. Более того, Суд вновь заявляет, что, согласно ст.9, свобода мысли, совести и вероисповедания является основой «демократического общества» в рамках Конвенции. В частности, в своем религиозном аспекте она является одним из существенных элементов, из которых состоит личность верующих и их жизни, но в равной мере представляет ценность для атеистов, гностиков, скептиков и лиц, равнодушно относящихся к данному вопросу. Плюрализм неразрывно связан с демократическим обществом, это драгоценное завоевание, к которому стремились многие века. Плюрализм зависит от демократического общества в целом (см. решение по делу *Kokkinakis v. Greece* от 25 мая 1993 г., Серия А № 260-А, стр. 17, § 31; и решение по делу *Buscarini and Others v. San Marino* [GC], № 24645/94, § 34, Европейская Конвенция по правам человека 1999-1).

50. Суд указал на то, что в демократических обществах, в которых сосуществуют несколько религий в контексте единого населения, может быть необходимым установление некоторых ограничений свободы вероисповедания для урегулирования интересов различных групп и обеспечения уважения верований всех людей (см. указанное ранее решение по делу *Kokkinakis v. Greece*, стр.18, § 33).

51. Роль государства как нейтрального и беспристрастного организатора и гаранта свободы исповедания различных религий, принадлежности к конфессиям и практикования верований важна для создания гармонии и терпимости в демократическом обществе (см. *mutatis mutandis Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France* [GC], № 27417/95, § 84, Конвенция 2000-VII). Например, свобода публичного исповедания религии в демократическом обществе может быть ограничена для обеспечения нейтралитета публичной образовательной системы, а этот нейтралитет имеет огромное значение для защиты прав человека, порядка и общественной безопасности (см. *Dahlab v. Switzerland* № 42393/98, 15 февраля 2001 г., опубликованное в официальных докладах Суда). Подобным образом, меры, предпринятые в светских университетах для гарантии общественного порядка и в защиту от действий определенных фундаменталистских религиозных движений, не являются нарушением ст.9 Конвенции (см. *Karaduman v. Turkey*, заявление № 16278/90, решение Комиссии от 3 мая 1993, Решения и отчеты (DR)74,стр. 93). Суд также постановил, что ограничение возможности мусульманского оппонента алжирского правительства осуществлять пропаганду на швейцарской территории было необходимым в демократическом обществе для защиты национальной безопасности и общественного порядка (см.дело *Zaoui v. Switzerland*, № 41615/98, 18 января 2001 г., не содержащийся в сборниках судебных решений).

52. Конвенционные институты также придерживаются мнения, что принцип секуляризма в Турции, несомненно, является одним из основополагающих принципов государства, который находится в гармонии с принципом верховенства права и уважением прав человека. Любое действие, нарушающее данный принцип, не может быть расценено как часть свободы вероисповедания и не может находиться под защитой ст.9 Конвенции (см. заключение Комиссии по делу *Kalaç v. Turkey*, содержащееся в отчете Комиссии от 27 февраля 1996 г., Отчеты 1997-IV, стр. 1215, § 44, и *mutatis mutandis* решение *Kalaç v. Turkey* от 1 июля 1997 г., Отчеты 1997-IV, стр. 1209, §§ 27-31)

53. Кроме того, в целях определения необходимости вмешательства прилагательное «необходимый» в п.2 ст.11 Конвенции подразумевает наличие «острой общественной необходимости».

Задача Суда не сводится к тому, чтобы подменять позицию государства, но заключается в анализе решений, принятых соответствующими компетентными национальными органами власти, в контексте ст.11. Это не означает, что контроль ограничен только выяснением, осуществляло ли государство-ответчик свою свободу действий в разумных пределах, предусмотрительно и добросовестно. Суд призван оценить совершаемое вмешательство в свете рассматриваемого дела в целом и определить, было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели» и были ли причины, приведенные в оправдание вмешательства, «значимыми и существенными». Суд должен убедиться, что национальные власти применяли стандарты, соответствующие ст.11 Конвенции, и, более того, что их решения были основаны на приемлемой оценке имеющихся фактов (см. *mutatis mutandis Axmed and Others v. the United Kingdom* от 2 сентября 1998, Отчеты 1998-VI, стр. 2377-78, § 55, и решение по делу *Goodwin v. the United Kingdom* от 27 марта 1996, Отчеты 1996-II, стр. 500-501, § 40).

(b) *Заявление к настоящему делу*

(i) *Аргументы сторон*

(1) *Заявители*

54. Заявители утверждали, что они не ставили под сомнение огромное, которое имеет принцип секуляризма для Республики Турции и турецкого общества. Они заметили, что данный принцип получил свое отражение в программе *Refah*, и, соответственно, отвергли обвинения Конституционного суда в том, что заявления лидеров партии нарушили принцип секуляризма. Заявители утверждали, что правительство ссылалось на отдельные, не связанные между собой замечания, сделанные, как уверяло правительство, лидерами партии, вырванные из контекста более длинных выступлений. Далее они говорили, что действия правительства основывались на замечаниях лидеров партии, которые не были учтены Конституционным судом при роспуске *Refah*, а также, что правительство пыталось установить связь между рассматриваемыми заявлениями и событиями, им предшествовавшими.

55. Заявители отметили, что *Refah* была основана в 1983 г. и в течение одного года (июнь 1996 – июль 1997 гг.) являлась правящей партией на законных основаниях. Второй заявитель, Mr. Ergacan, в течение этого периода занимал пост премьер-министра. Объединенная программа правительства, которую *Refah* составила вместе с Партией истинного пути (*Dogru Yol*), доказала, что коалиция двух партий стала возможной благодаря тому факту, что «Турция является гражданским, демократическим, социальным государством, одним из основных принципов которого является принцип секуляризма», а также благодаря «кемалистским принципам». Объединенная программа не только не содержала призывов к насилию и не выражала намерения изменить государственный или политический строй Турции, но, напротив, предлагала совершенствование мер охраны фундаментальных прав и свобод и демократических устоев государства. Заявители указали, что, несмотря на то, что *Refah* критиковала некоторые последствия применения принципа секуляризма в Турции во имя соблюдения прав совести и свободы выражения мнения, она никогда не выступала за отмену этого принципа или турецкого конституционного строя в целом. Более того, концепция секуляризма в том ее виде, в котором она применялась в Турции, подвергалась критике со стороны высокопоставленных судей, выступавших в защиту

прав человека. Заявители отмечали, что оппозиция в парламенте обвиняла правительство в совершении действий, противоречащих принципу секуляризма в ситуации форсирования вотума недоверия по вопросу, по которому они потерпели поражение 20 мая 1997 г., за несколько недель до того, как *Refah* была распущена.

56. Заявители утверждали, что свобода выражения мнений была нарушена, когда трое из заявителей утратили статус членов парламента из-за сделанных ими заявлений, которые и послужили причиной роспуска *Refah*. Как утверждало правительство, эти заявления были произнесены непосредственно в палате дебатов парламента. В схожем деле член парламента, не принадлежащий к какой-либо политической партии, имел бы больше защиты, чем член парламента, принадлежащий к политической партии, так как первый не испытывал бы риска получить запрет на участие в любой политической деятельности из-за замечаний, высказанных им в рамках сессии парламента.

57. Истцы утверждали о противоречии между аргументами главного государственного обвинителя, который ссылаясь на криминальный характер заявлений истцов, и заявлением правительства о том, что роспуск *Refah* не был связан с уголовными преступлениями ее членов. Более того, причина, по которой *Refah* не применила дисциплинарных санкций в отношении членов парламента, которые обвинялись в совершении уголовных преступлений, заключалась в том, что оскорбительные заявления были сделаны ими еще до вступления в партию. Заявители никогда не преследовались в судебном порядке за заявления, использованные Конституционным судом для роспуска *Refah*. Следовательно, они настаивали на том, что правительство не могло утверждать о корректности оценки, данной Конституционным судом относительно фактов дела, а также на то, что правительство не уточнило, какой именно социальной необходимостью был вызван роспуск *Refah*.

58. Истцы далее заявили, что истинная причина роспуска *Refah* заключается в том, что турецкие компании хотели помешать партии в их противостоянии тому, что государство занимает деньги у этих компаний, и, несмотря на то, что экономическая политика *Refah* нацелена на развитие Турции, она идет в разрез с интересами некоторых корпораций. Заинтересованные компании при помощи подконтрольных им средств массовой информации, опорочили репутацию *Refah* и использовали бюрократические средства для роспуска партии.

(2) Правительство

59. Правительство заметило вначале, что принцип секуляризма является основой плюрализма и либеральной демократии. Государство, которое придерживается этого принципа, является политической целостностью, отказываясь строить общество на основе религиозных принципов. В такой общности государство держится на равном расстоянии ото всех религий и верований. Более того, существовали определенные обстоятельства, которые сделали принцип секуляризма особенно важным для Турции по сравнению с другими демократическими государствами. Республика Турция была основана в результате революционного процесса, который преобразовал теократическое государство в светское. Радикальные исламистские движения представляют опасность и по сей день. Политический ислам не ограничивается частной сферой отношений между человеком и богом, но заявляет права и на организацию государства и общества. Стремясь достичь этого, ислам проявил много признаков тоталитарного режима. Для достижения своей конечной цели по смещению существующего правового порядка и замене его на «шариат» политический ислам использовал метод, известный как

«*takiyye*», который заключается в сокрытии своих истинных убеждений, пока цель не достигнута.

60. Далее правительство заметило, что турецкое население более чем на 95% состоит из мусульман и что чрезмерное использование религиозных идей несет в себе потенциальную опасность для турецкой демократии. Страны, в которых исламистский фундаментализм являлся господствующим, рассматривали Турцию (единственную страну в мире, являющуюся одновременно и мусульманской, и демократической) в качестве угрозы их режимам и пытались экспортировать свои теократические режимы в Турцию. Для этого они предоставляли моральную и финансовую поддержку фундаменталистским движениям. Более того, антисекуляристское движение развивалось в среде турецких граждан за границей, и *Refah* посредством близких ей организаций, не колеблясь, призывала их к «священной войне».

61. Согласно замечаниям правительства, тот факт, что Турция является единственной мусульманской страной, где была построена либеральная демократия по западной модели, стал возможным только благодаря строгому применению принципа секуляризма. Защита светского государства в Турции являлась существенным условием принятия Конвенции. В связи с этим правительство указало на то, что политический ислам на протяжении всей истории являясь терпимым в отношении других религий, никогда не проявлял такой же терпимости по отношению к верным ему людям. Положения шариата, касающиеся, помимо других вопросов, статуса женщины, уголовного права и применения телесных наказаний, не были совместимы с Конвенцией.

62. Правительство заявило, что, столкнувшись с риском, который несет в себе политический ислам для демократического режима, основанного на правах человека, режим был вынужден принять меры, необходимые для своей защиты. «Воинственная (боевая) демократия» или, другими словами, демократическая система, которая защищает себя от других политических движений, пытающихся ее уничтожить, родилась в результате опыта, приобретенного Германией и Италией в войнах с фашизмом и национал-социализмом - двумя движениями, пришедшими к власти посредством относительно свободных выборов. Согласно заявлениям правительства, воинственная демократия требует существования политических партий как главного действующего лица для того, чтобы показать верность демократическим принципам и, соответственно, принципу секуляризма. Концепция воинственной демократии и возможность подавления политических партий, злоупотребляющих свободой объединений, были записаны в Конституциях европейских государств (например, ст.18 и предварительная ст.ХII Итальянской конституции, ст.9 §§ 26 18 и ст.21 § 2 Основного закона Германии). Эта тенденция была также подтверждена Резолюцией Европейского парламента о конституционном статусе европейских политических партий от 10 декабря 1996 г., согласно которой программа и деятельность политических партий должны уважать демократию, права человека и фундаментальные конституционные принципы, такие как верховенство права, закрепленные в Договоре о Европейском Союзе. В поддержку своего аргумента правительство также сослалось на решение Комиссии, признавшее недопустимым заявление, поданное Немецкой коммунистической партией (заявление № 250/57, решение от 20 июля 1957, Ежегодник 1, п. 222).

63. Ссылаясь на выступления, сделанные некоторыми из лидеров *Refah* и ставшие впоследствии причинами роспуска партии Конституционным судом, правительство заявило, что *Refah* проявила «резко агрессивное и воинственное отношение к

существующему порядку» и систематически стремилась «не допустить его должного функционирования», чтобы впоследствии его уничтожить. Оскорбительные выступления были призывами к народному восстанию и использованию силы и методов подстрекательства к применению абсолютного насилия, характеризовавшего любую «священную войну». При таком положении дел роспуск партии был превентивной мерой для защиты демократии. Правительство заявило, что данная мера могла быть совмещена с уголовным наказанием, назначенным тем лицам, которые сделали оскорбительные заявления, без предъявления к ним отдельных исков. Несмотря на то, что члены парламента обладают иммунитетом от уголовного преследования за высказанные ими замечания в парламенте, политические партии такой неприкосновенности в отношении конституционности своей деятельности не имеют. При подобных обстоятельствах, роспуск *Refah* должен быть рассмотрен как острая необходимость для дальнейшего существования демократии.

(ii) *Оценка Суда*

64. В данном деле задача Суда состоит в выяснении, являлся ли роспуск *Refah* и дополнительное наказание, назначенное другим истцам, «острой общественной необходимостью» и были ли эти меры «пропорциональны преследуемым законным целям»

65. Что касается существования «острой общественной необходимости», Суд заметил сначала, что Конституционный суд в большей части своего решения отмечал существенную роль принципа секуляризма в поддержании и защите демократии в Турции. Стороны согласились перед Судом, что секуляризм необходим для защиты демократической системы в Турции. Однако они не были согласны с содержанием, толкованием и применением принципа секуляризма.

Но толкование этого принципа, которое легло в основу решения о роспуске партии, было основано, согласно Конституционному суду, на обстоятельствах развития турецкого права. Он указал, что турецкое общество прошло через теократический политический режим, существовавший в Османской империи, и что светский республиканский режим в Турции был основан после того, как был положен конец существовавшей тогда теократии. Следовательно, Суд признал на данном этапе изучения дела, что установление теократического режима не является невозможным в Турции, принимая во внимание ее недавнюю историю и тот факт, что большинство ее населения мусульмане.

66. Вопрос, ставший между сторонами, заключается в том, являлась ли *Refah* «центром антисекуляристской деятельности», политической группой, стремившейся к установлению теократического режима.

67. Суд заметил в связи с этим, что *Refah* была распущена на основании политических заявлений и замечаний, сделанных ее председателем и другими членами партии. Ее устройство и программа не играли никакой роли в принятии этого решения. Как и национальные власти, Суд будет в дальнейшем основывать свою оценку необходимости предполагаемого вмешательства на рассматриваемых замечаниях и политических заявлениях.

68. Суд указал, что основания для роспуска партии, использованные главным государственным обвинителем в кассационном суде, и основания, на которые ссылался Конституционный суд для доказательства нарушения партией *Refah* принципа секуляризма, можно разделить на три категории:

- (1) основания, по которым *Refah* обвинялась в намерении использования принципа плюрализма правовой системы для введения дискриминации на основе религиозной принадлежности;
- (2) основания, по которым *Refah* обвинялась в намерении применить закон шариата к мусульманскому обществу;
- (3) основания, которые базировались на заявлениях, сделанных лидерами *Refah* по поводу джихада («священной войны») как политического метода.

Суд, таким образом, может ограничить свое исследование тремя группами аргументов, которые были сформированы Конституционным судом.

69. В поддержку первой группы оснований роспуска, касающейся предложенного плюрализма правовых систем, Конституционный суд привел несколько заявлений, сделанных истцом N. Erbasan, председателем *Refah*, который сказал в своем выступлении от 23 марта 1993 г.: «Необходимо существование нескольких правовых систем... Более того, так всегда обстояло дело на протяжении нашей истории. Существовали различные религиозные движения. Каждый жил согласно законам своей организации, так что все жили в мире... Мы должны освободить администрацию от централизма. Государство, которое вы установили, является репрессивным... Вы не даете свободы выбирать свод законов». Конституционный суд заявил, что намерение *Refah* заключалось в том, чтобы ввести в Турции плюрализм правовых систем, благодаря которому общество разделилось бы на несколько религиозных движений, каждый индивид выбирал бы движение, к которому он хотел бы принадлежать и правами и обязанностями которого он хотел бы обладать. Конституционный суд заметил, что такая система, истоки которого лежат в истории ислама как политического режима, была бы крайне неблагоприятной для осознания верности законодательному и судебному единству. Она, несомненно, нанесла бы ущерб единой судебной системе, так как каждое религиозное движение создавало бы свои суды, а обычным судам приходилось бы применять право, отвечающее религии предстающих перед ними лиц, что в свою очередь вынуждало бы их раскрывать свою религиозную принадлежность. Такая система нанесла бы также вред законодательному единству, так как каждое религиозное движение было бы наделено властью определять, какие законы должны применяться к ее членам.

70. Как и правительство, Суд полагает, что предложение *Refah* о введении плюрализма правовых систем послужило бы основой для разграничения лиц по религиозной принадлежности, распределило бы всех людей по категориям в соответствии с их религиозными убеждениями, в связи с чем права и свободы предоставлялись бы личности как таковой, а на основании принадлежности к определенному религиозному движению.

Суд придерживается мнения, что подобная модель общества не может рассматриваться как соответствующая системе Конвенции, по двум причинам:

- Во-первых, было бы покончено с ролью государства как гаранта индивидуальных прав и свобод и беспристрастного организатора процесса исповедания людьми разных религий и верований в демократическом обществе, так как людям пришлось бы подчиняться не правилам, установленным государством, но статичным правилам закона, навязанного определенной религией. Однако у государства есть прямая обязанность гарантировать возможность использования всеми лицами, находящимися в его юрисдикции, прав и свобод, гарантированных Конвенцией (см. *mutatis mutandis*, решение *Airey v. Ireland* от 9 октября 1979 г., серия А № 32, стр. 32, § 25).
- Во-вторых, подобная система, несомненно, нарушила бы принцип недискриминации при осуществлении публичных свобод, что является одним из

принципов демократии. Различающееся отношение в сферах частного и публичного права к лицам на основании их вероисповедания, очевидно, не может быть оправдано Конвенцией, в частности ст.14, которая запрещает дискриминацию. Такое различие в обращении не может обеспечить справедливый баланс между правом определенных религиозных групп на осуществление управления согласно своим правилам и интересами общества в целом, которое должно быть основано на мире и терпимости между различными религиями и верованиями (см. *mutatis mutandis* решение от 23 июля 1968 г. по делу «*Belgian linguistic*», серия А № 6, стр. 33-35, §§ 9 и 10, и решение по делу *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom*, серия А № 94, стр. 35-36, § 72).

71. Что касается второй группы причин для роспуска партии, Конституционный суд обнаружил, что *Refah* намеревалась ввести шариат (исламское право) в качестве общей системы, применимой к мусульманской общине. Суд постановил, что шариат является антитезисом демократии, что он основан на догматических ценностях и является противоположным здравому смыслу, концепции свободы, независимости, а также принципам основанного на науке человечества. Некоторые публичные выступления, сделанные теми членами *Refah*, на которые ссылался Конституционный суд, открыто призывали к режиму шариата. Суд отдельно обратил внимание на следующие замечания членов *Refah*, которые явным образом показывают намерение установить режим, вдохновленный шариатом:

- в телевизионном интервью, транслировавшемся 24 ноября 1996 г., Hasan Hüseyin Seylan, член парламента провинции Анкара, сказал, что шариат является решением для страны;
- 8 мая 1997 г. Ibrahim Halil Çelik, член *Refah* и парламента сказал: «Я буду бороться до конца, чтобы ввести шариат»;
- в апреле 1994 г. Sevki Yilmaz, член парламента, сказал: «Вопрос, который вам задаст Аллах, будет следующим: «Почему во время богохульного режима вы не работали над строительством мусульманского государства?» Erbasan и его друзья хотят принести ислам в эту страну в форме политической партии. Прокурор понял это предельно ясно. Если бы вы поняли это так же как он, проблема была бы решена».

Далее Суд привел следующие замечания, которые подразумевают намерение сделавших их лиц установить режим, основанный на шариате:

- 13 апреля 1994 г. N.Erbasan сказал: «*Refah* придет к власти, и справедливый порядок (*adil düzen*) будет установлен», а в своем выступлении от 7 мая 1996 г. он восхвалял «тех, кто внес значительный вклад в правление Аллаха»;
- в апреле 1994 г. Sevki Yilmaz, член парламента провинции Ризе, предложил, чтобы правоверные «призвали к ответственности тех, кто повернулся спиной к заповедям Корана, и тех, кто лишает посланника Аллаха власти в стране» и заявил, что «только 39% принципов Корана применяются в этой стране. Шесть тысяч пятьсот стихов были молча забыты...» Он продолжил: «Условие, которое нужно соблюсти перед молитвой, это исламизация власти. Аллах сказал, что «перед мечетью путь власти должен быть мусульманским...»;
- Во время паломничества в 1993 г. Ahmet Tekdal сказал: «Если люди... недостаточно стараются, чтобы осуществить наступление «*hak nizami*» (справедливого порядка или божьего порядка)... они будут считаться вероотступниками и впоследствии исчезнут... они смогут дать отчет перед самими собой и Аллахом, так как они недостаточно работали над установлением «*hak nizami*»».

72. Как и Конституционный суд, Суд полагает, что шариат, который верно отражает религиозные догмы и правила, не изменил своей концепции в ходе истории. Таким принципам, как плюрализм в политической сфере и постоянная эволюция общественных свобод, нет места в шариате. Суд заметил, что совокупность всех оскорбительных заявлений, призывающих к установлению шариата, с трудом можно примирить с фундаментальными принципами демократии, положенными в основу Конвенции. Сложно провозглашать уважение демократии и прав человека, и в то же время поддерживать режим, основанный на шариате, который явным образом расходится с ценностями Конвенции, особенно в отношении законного статуса женщины и ее роли в частной и общественной жизни в соответствии с религиозными принципами. В дополнение к этому, заявления, касающиеся желания основать «справедливый порядок», «порядок правосудия», или «божий порядок», при прочтении их в контексте выступлений, несмотря на возможность разного их толкования, имеют общий знаменатель в виде религиозных или божественных правил, определяющих политический режим, пропагандируемый выступающими. По мнению Суда, политическая партия, действия которой направлены на введения шариата в качестве основы государства, с трудом может называться объединением, соответствующим демократическим идеалам, лежащим в основе Конвенции.

73. Суд также полагает, что политические заявления лидеров *Refah*, взятые отдельно, особенно по вопросам ношения мусульманских головных уборов и организации рабочего времени с отведением времени для молитвы, а также некоторые их действия, к примеру, наполненный подстрекательством и злобой визит, который Mr Kazan (на тот момент – Министр юстиции) совершил к члену партии, или прием, организованный Mr Erbakan с участием представителей различных исламистских движений, не несут в себе немедленную опасность для секуляристского режима в Турции. Однако Суд находит доводы правительства убедительными в том, что эти действия и политические заявления соответствовали скрытой цели установления в стране политического режим шариата.

74. Третья категория оснований для роспуска партии, использованных Конституционным судом, состоит из упоминаний определенными членами *Refah* концепции джихада – «священной войны», которая должна вестись до тех пор, пока не наступит полное господство ислама в обществе. Суд заметил, что некоторыми выступающими, членами *Refah*, использовалась двусмысленная терминология в отношении методов достижения политической власти. Хотя Суд не оспаривает, что *Refah* до сих пор использовала только легитимные способы достижения политических целей, в оскорбительных заявлениях ее лидеры намекали на возможность использования силы для преодоления различных преград в политическом курсе *Refah* для получения и удержания власти. Суд учитывает замечания, сделанные:

- N.Erbakan 13 апреля 1994 г. по вопросу, будет ли власть получена мирным путем или при помощи насилия (будут ли перемены связаны с пролитием крови или нет);
- Sevki Yilmaz в апреле 1994 г. касательно его толкования джихада и возможности вооружения мусульман после получения власти;
- Hasan Hüseyin Seylan 14 марта 1992 г. оскорбил и угрожал сторонникам режима по «западной модели»;
- Sükrü Karatepe 10 декабря 1996 г. дал совет верующим поддерживать в своих сердцах затаенную вражду и ненависть;
- Ibrahim Halil Çelik 8 мая 1997 г. сказал, что хочет, чтобы текла кровь, если это потребуется, для недопущения закрытия теологических учебных заведений.

Несмотря на то, что лидеры *Refah* в правительственных документах не призывали к использованию силы и насилия, они не предприняли должных шагов, чтобы установить дистанцию от тех членов *Refah*, которые публично одобряли возможность применения силы по отношению к политикам, им противостоящим. Лидеры *Refah* не пытались рассеять неясность этих утверждений о возможности использования насильственных методов для получения и удержания власти (см. *mutatis mutandis* решение *Zana v. Turkey* от 25 ноября 1997 г., Отчеты 1997 – VII, стр. 2549, § 58).

75. Суд также обратил внимание на то, что замечания, сделанные членом парламента провинции Анкара Hasan Hüseyin Ceylan в своем выступлении 14 марта 1993 г., видеозапись которого была показана в местных отделениях *Refah*, выявили глубокую ненависть к противникам исламского режима. Суд полагает в связи с этим, что когда поведение доходит до высокого уровня оскорбления и становится близким отрицанию свободы вероисповедания других, оно теряет право на терпимость общества (см. *mutatis mutandis* решение *Otto-Preminger-Institut v. Austria* от 20 сентября 1994 г., Серия А № 295-А, стр. 17-18, § 47).

76. Суд не может принять аргументы истца о том, что замечания, использованные в качестве оснований для роспуска *Refah*, вырваны из контекста, непоследовательны и противоречат друг другу. Напротив, рассматриваемые политические утверждения, взятые вместе, показывают истинные намерения *Refah* по отношению к введению плюрализма правовых систем, дискриминации между индивидами на основании их религиозных убеждений, существованию разных религиозных правил для каждой религиозной общины, применению шариата большинством мусульманского населения страны и/или признанию его общим правом. В дополнение к этому складывается впечатление, что *Refah* не исключала возможности применения силы в определенных обстоятельствах для противостояния определенным политическим программам или для захвата и удержания власти. Суд считает, что подобное видение общества основано на исламистском теократическом режиме, который уже имел место в истории турецкого государства. В соответствии с этим Суд заключает, что оскорбительные замечания и политические заявления лидеров *Refah* формируют целостную картину и дают ясное представление о модели государства и общества, которую *Refah* предлагает ввести на основании религиозных правил.

77. Далее Суд усмотрел, что политические цели *Refah* не являются теоретическими или иллюзорными, но представляются вполне достижимыми по двум причинам. Первая связана с влиянием *Refah* как политической партии и ее шансами получить власть, что является единственной возможностью для *Refah* сдержать свои обещания. Во время роспуска партии в ее членах состояли 157 членов парламента, *Refah* занимала почти треть Великого национального собрания Турции. Выступления и политические утверждения, лежащие в основе роспуска партии Конституционным судом, датированы периодом 1993-1997 гг., когда *Refah* достигла больших успехов на общих и местных выборах и была близка к власти. Вторая причина заключается в том, что в прошлом политическим движениям, основанным на религиозном фундаментализме, удавалось захватить политическую власть и установить ту социальную модель, которую они пропагандировали. Таким образом, Суд полагает, что существование реальной возможности осуществления политических планов *Refah*, несомненно, сделало опасность реализации этих планов более непосредственной и отчетливой.

78. Суд не присоединяется к аргументам заявителей относительно дисциплинарных мер, примененных *Refah* в отношении членов партии, которые были признаны

виновными в совершении уголовных преступлений, а также не поддерживает заявителей в том, что их замечания были сделаны до занятия политических должностей и, т.о., не могут быть приписаны *Refah*. Суд заметил, что, несмотря на то, что лица, исключенные из *Refah*, до и после их избрания публично защищали различные стороны теократического режима, это не помешало *Refah* выдвигать некоторых из них кандидатами на важные публичные должности (к примеру, должность мэра крупного города или члена парламента), а также не мешало *Refah* выступать с оскорбительными речами во время политической подготовки членов партии на местах. Согласно архивным записям, до начала процедуры роспуска *Refah* против лиц, которые сделали эти заявления и публичное поведение которых было оскорбительным, не применялись внутривнутрипартийные дисциплинарные санкции, и что *Refah* никогда не критиковала эти заявления. При таком положении дел Суд считает, что решение об исключении этих лиц из партии было принято с надеждой избежать роспуска партии и не являлось свободным, что необходимо для признания Конвенцией в соответствии со ст.11 (см. *mutatis mutandis Freedom and Democracy Party (ÖZDER) v. Turkey* [GC], № 23885/94, § 26, Европейская конвенция по правам человека 1999-VIII).

79. Что касается аргументов заявителей по поводу того, что лидеры *Refah* не преследовались в судебном порядке и не были осуждены, Суд заметил, что действия, нарушающие принцип секуляризма, более не являются наказуемыми преступлениями в Турции. Также известно, что *Refah* выступала против уголовного наказания за подобные действия. Суд заметил в связи с этим, что Necmettin Erbakan ясно выразил позицию *Refah* на партийной конференции 10 октября 1993 г. против уголовных санкций за подобные деяния, говоря: «За 4 года нашего пребывания в правительстве пресловутая статья 163 Кодекса (пытки) никогда не применялась по отношению к какому-либо ребенку в этой стране». Суд считает, что истцы не должны делать выводов на основании того, что лидеры *Refah* никогда не были осуждены за действия, нарушающие принцип секуляризма, в период, когда такие действия не являлись наказуемыми преступлениями в Турции. Однако истцы сами ранее выступали за данную меру во время изменения закона (см. *mutatis mutandis* решение *Pine Valley Developments Ltd. and Others v. Ireland* от 29 ноября 1991 г., Серия А № 222, стр. 21-22, § 47, и решение *Kolompar v. Belgium* от 24 сентября 1992 г., Серия А № 235-С, стр. 54, § 32)

80. Что касается аргументов заявителей о том, что *Refah* не предлагала реформирования Конституции Турции ни в своем уставе, ни в программе, составленной совместно с партнером по коалиции (партией «Истинного пути» (*Dogru Yol*)), Суд повторил, что не исключена возможность того, что программа политической партии может скрывать цели и намерения, отличные от первоначально провозглашенных. Чтобы убедиться в обратном, необходимо сравнить содержание программы с действиями партии и позицией, которую она отстаивает (см. дело *United Communist Party and Others v. Turkey*, стр. 27, § 58). В настоящее время именно публичные заявления и политические утверждения, сделанные лидерами *Refah*, выявили цели и намерения партии, которые не были закреплены в ее уставе (см. *mutatis mutandis* решение *Socialist Party and Others v. Turkey*, стр. 1257-58, § 48). Более того, невозможно было ожидать, что *Refah* включит антисекуляристские цели в свою объединенную программу. Это являлось компромиссом, достигнутым совместно с правоцентристской партией.

81. Следовательно, Суд полагает, что наказание, которому были подвергнуты истцы, можно действительно считать основанным на «острой социальной необходимости», так как лидеры *Refah* под предлогом переопределения принципа секуляризма объявили о

своих намерениях установления плюрализма правовых систем и введения шариата, а также заняли нечеткую позицию в отношении применения силы для получения и удержания власти. Суд придерживается мнения, что, несмотря на то, что границы действия государства при рассмотрении вопроса о роспуске партии должны быть весьма узкими, так как плюрализм идей и партий является неотъемлемой частью демократии, государство может предотвратить исполнение политического курса, который несовместим с положениями Конвенции, пока не сделана попытка его осуществления через конкретные шаги, которые могли бы нарушить мир граждан и демократический режим страны.

82. Остается определить, было ли вмешательство пропорциональным преследуемым законным целям. Суд ранее постановил, что роспуск политической партии совместно с временным запретом лидерам *Refah* осуществлять политическую деятельность были суровыми мерами, и что такие меры могут применяться только в самых серьезных случаях (см. ранее приведенное решение *Socialist Party and Others v. Turkey*, стр. 1258, § 51). В настоящем деле Суд постановил, что рассматриваемое вмешательство соответствовало «острой социальной необходимости». Следует также заметить, что после роспуска *Refah* только пять членов парламента (включая заявителей) временно лишились места в парламенте и роли лидеров политической партии. Остальные 152 члена парламента продолжали свою деятельность в парламенте, их политическая карьера не пострадала. Более того, истцы не утверждали, что *Refah* и ее члены потерпели значительные денежные убытки в связи с переводом их средств в Казначейство. Суд полагает, в связи с этим, что природа и суровость вмешательства также являются факторами, которые должны учитываться при определении пропорциональности вмешательства (см. например *Sirek v. Turkey* (№1) [GC], № 26682/95, § 64, ЕКПЧ, 1999-IV).

83. Учитывая узкие границы усмотрения, доступные национальным властям по контролю за политическими партиями, Суд считает, что вмешательство не являлось непропорциональным преследуемым законным целям, так как они отвечали «острой социальной необходимости», и что причины, приведенные Конституционным судом в качестве оснований для роспуска *Refah* и временного лишения истцов определенных политических прав, являлись «существенными и достаточными».

84. Следовательно, нарушения статьи 11 Конвенции в этом случае установлено не было.